

Румыния в мировых войнах XX века*

Елена Сеньявская

В двух мировых войнах XX в. главным, наиболее сильным и опасным противником России и СССР являлась Германия. Не случайно именно по отношению к ней в сознании россиян сформировался наиболее полный, законченный, ярко выраженный и эмоционально окрашенный «образ врага»¹.

Однако в обеих войнах у Германии имелся целый ряд союзников, в том числе и тех, кто непосредственно участвовал в боевых действиях против России. И в отношении этих второстепенных и «второсортных» врагов в российском массовом сознании также складывался образ, в каждом случае имевший свою специфику, которая определялась многими факторами: и предысторией межгосударственных и межнациональных отношений, и степенью и характером участия каждой из стран в войнах против России, и поведением их армий в боевой обстановке и на оккупированных территориях, в чем реализовывались не только политика их правительств, но и социокультурные и иные качества самих наций.

Был такой образ и у Румынии.

В Первую мировую войну Румыния являлась союзником России, но доставила ей больше неприятностей, чем принесла какой-либо пользы. Не случайно, в военных кругах России очень многие были против ее вхождения в лагерь стран, воюющих с Германией.

«Просчитав все последствия вступления Румынии в войну на стороне Антанты, российский МИД и Генеральный штаб пришли к выводу, что лучше иметь Румынию нейтральной, чем союзной, – страна обладала протяженной и труднообороняемой границей...»².

Оставаясь нейтральной, Румыния создавала буферную зону между югом

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук. E-mail: <mailto:senyavsky@yandex.ru>

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Россия/СССР, Румыния, Германия, образ союзника, образ врага, историческая память, ревизии прошлого.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

России и армиями Центральных держав, а, вступив в войну, неизбежно потребовала бы от России огромных усилий для защиты заведомо слабого союзника.

Генерал А.А.Брусиллов еще в 1915 г. заявил, что вступление в войну Румынии обойдется России в одинаковое количество дивизий, независимо от того, чью сторону она примет. Если противника – они понадобятся, чтобы разбить ее армию, если союзников – для того, чтобы «держат» румынский участок фронта. И не ошибся в своих прогнозах.

Она долгое время выбирала, на чью сторону встать, торгуясь то с Германией, то с Антантой в расчете получить за свою «помощь» Трансильванию и Буковину, входящие в состав Австро-Венгрии, а также претендуя на принадлежащую России Бессарабию, сравнивая предложения и посулы, исходящие из каждого лагеря. Румыния ужасно боялась продешевить, следя за ходом боевых действий и выжидая удобного момента, чтобы гарантированно оказать в стане победителей. Наконец, она поставив под ружье солидную армию в 23 дивизии общей численностью 600 тыс. чел.³, вступила в войну 27 августа 1916 г., но, к несчастью, именно тогда, «когда Брусилловское наступление выдохлось и благоприятная обстановка миновала»⁴. Это опоздание было связано с проведением коммерческой операции «по реализации урожая 1916 года»: «раньше, чем объявить войну, бухарестское правительство запрдало Центральным державам все запасы хлеба и нефти в стране по весьма дорогой цене, рассчитывая все получить затем даром от России»⁵.

«Русский генералитет весьма скептически относился к военным возможностям плохо вооруженной румынской армии, а подготовка офицерского состава вообще не выдерживала никакой критики...»². Так,

генерал А.А.Самойло, побывавший в начале 1916 г. в Бухаресте с дипломатической миссией и наблюдавший румынский генералитет, предававшийся пустым развлечениям, «считая это особого рода шиком во время войны», сделал вывод, что «никакого проку от армии, возглавляемой такими полководцами, ждать нельзя»⁶.

Присоединившись к войскам русского фронта «в тот момент и в таком месте, где у противника на границе не было ничего, кроме пограничной стражи», румынская армия под звуки торжественных маршей перешла границы Венгрии и Болгарии. Но, неожиданно атакованные подошедшими болгарскими резервами, две румынских дивизии стремительно бежали из Болгарии обратно в пределы Румынии³. Ход боевых действий румынской армии «превзошел самые мрачные ожидания песимистов... Неприятель ворвался на румынскую территорию»⁴. К концу декабря 1916 г. немцы, решив дать румынам хороший урок, заняли большую часть румынской территории, включая Бухарест.

Генерал А.А.Брусиллов впоследствии вспоминал: «...Спустя немного времени после начала военных действий румынской армии вполне выяснилось, что румынское высшее военное начальство никакого понятия об управлении войсками в военное время не имеет; войска обучены плохо, знают лишь парадную сторону военного дела, об окапывании, столь капитально важном в позиционной войне, представления не имеют, артиллерия стрелять не умеет, тяжелой артиллерии почти совсем нет и снарядов у них очень мало. При таком положении неудивительно, что они вскоре были разбиты...»⁷.

При этом поведение румын накануне разгрома было высокомерным и вызывающим: они не желали согласовывать свои действия с русскими, скрывая от них распоряжения и планы своего генерального штаба, в то время как, по свидетельству генерала А.М.Зайончковского, «выгодное

положение Румынии на фланге заставляло догадываться, что германцы обрушатся всей силой своего кулака на это маленькое государство, чтобы закрыть для русских всякую возможность политического влияния на Балканах и открыть для себя выход на фланг русской оборонительной линии.

Румынская армия, не имевшая боевого опыта, навряд ли могла выдержать натиск германцев, и при таких условиях союз с Румынией имел для России только отрицательный характер, как это и вышло в действительности»⁸.

Невольно возникал вопрос: «зачем было втягивать Румынию в войну, когда было известно, что румынская армия совершенно не отвечает самым скромным требованиям, предъявляемым к современным армиям?»⁹

Причина была очевидна: особенно энергично Румынию побуждала к вступлению Франция, стремясь оттянуть как можно больше германских сил с Западного театра военных действий. Западные союзники и получили основную выгоду: «с французских плеч на русские переложено было бремя 9 хороших германских дивизий»⁵. При этом Россия на спасение новых союзников вынуждена была послать 36 пехотных и 13 конных дивизий, против которых действовало 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий четырех неприятельских держав⁵.

Таким образом, «дипломатическая победа Антанты, связанная с вступлением Румынии в войну, как и предсказывали российские военные стратеги, оказалась пирровой. Румыния ничего не смогла противопоставить своим противникам, позорно бежав с поля боя. В результате, чтобы спасти страну от неминуемого разгрома, в Румынию были введены русские войска, после чего Восточный фронт растянулся более чем на тысячу километров. Силы русской армии, и без того испытывав-

шей нехватку вооружения, с тех пор стали чрезмерно распылены»².

Интересные воспоминания о том, как было встречено известие о вступлении румын в войну в экспедиционном корпусе русской армии во Франции оставил в своей автобиографической книге «Солдаты России» Р.Я.Малиновский: «В это время поступило известие, что Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Германии. Смысла этого события солдаты не понимали, а он заключался в том, что Румыния решила кое-чем поживиться, пользуясь успешным наступлением русских войск на Юго-Западном фронте летом 1916 года. Таким образом, успех генерала Брусилова дал России нового союзника. Было приказано прокричать три раза «ура» во всех траншеях и выставить плакаты с надписью: «Немцы, Румыния вам объявила войну, теперь вам скоро наступит конец». Немцы обзелились и открыли по плакатам сильный артиллерийский огонь. Пришлось скорее убрать их. Обстрел прекратился...

Спустя некоторое время ... разведчики приволокли двух пьяных немцев. Оказывается, немцы не зря пьянствовали – они наголову разгромили румын и в свою очередь подняли над траншеями плакаты с короткой надписью на русском языке: «Капут вашим румынам». Пришлось теперь французской артиллерии открыть «тир де бараж» и заставить немцев убрать эти раздражающие плакаты»⁹.

Оказавшаяся столь бездарным союзником России в войне против Германии, Австро-Венгрии и даже Болгарии, в 1918 г. Румыния с энтузиазмом воспользовалась слабостью своей недавней союзницы и покровительницы для создания за ее счет «Великой Румынии».

В период Гражданской войны она приняла участие в Интервенции в Советскую Россию, оккупировав в январе 1918 г. Бессарабию и разыграв комедию о якобы ее «добровольном» присоединении к Румынии.

Но внезапно разыгравшийся аппетит все еще не был удовлетворен.

Румынские войска стали продвигаться к Днестру и начали наступление на Одессу. В боевых столкновениях с красноармейцами они получили серьезный отпор, после чего пошли на переговоры и 8 марта 1918 г. подписали «протокол ликвидации русско-румынского конфликта», в котором соглашались на вывод своих войск из Бессарабии и отказ румынского правительства от всякого вмешательства в ее внутреннюю и политическую жизнь.

«Однако Румыния получила от истории отсрочку в выполнении этих условий, так как новая волна событий (начавшаяся австро-германская оккупация и широкомасштабная Гражданская война – *Авт.*) надолго разделила обе стороны между собой»¹⁰, и Москва, никогда не соглашавшаяся с аннексией Бессарабии Бухарестом, сумела вернуть ее только два десятилетия спустя.

Пока же внутри России разгоралась Гражданская война, румынские войска в ноябре 1918 г. оккупировали Северную Буковину, а у распадавшейся Австро-Венгрии захватили Трансильванию.

В течение всего межвоенного периода отношения между Советской Россией и Румынией были довольно напряженными, особенно учитывая установленный ею жестокий репрессивный режим на оккупированной территории, подавлявший многочисленные народные выступления, а с середины 30-х годов – постепенное сближение с фашистской Германией.

Главной «точкой накала» оставался «бессарабский вопрос». Время для его

решения наступило в условиях уже начавшейся Второй мировой войны*.

Военные успехи гитлеровской Германии подогревали территориальные амбиции и ее союзников. Та же Румыния в конце 1939 – начале 1940 гг. сконцентрировала на советско-румынской демаркационной линии значительные силы, сопровождая свои действия различными провокациями, а в ответ на предупреждения Советского правительства развернула на территории оккупированной Бессарабии волну террора против населения. В этой ситуации правительство СССР 26 июня 1940 г. направило Румынии ноту, в которой, в частности, говорилось, что «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу, а также о передаче последнему северной части Буковины, население которой желало воссоединиться с советской Украиной»¹¹.

Румынское правительство пыталось уйти от конкретного ответа, но последующая дипломатическая нота СССР, требующая от Румынии освободить от воинских контингентов названные территории до 14.00 час. 28 июня 1940 г. вынудила его, по совету Италии и Германии, принять советское предложение.

Ровно в 14.00 час. 28 июня в Бессарабию и Северную Буковину вступили части Красной Армии, на следующий день они вышли к р. Прут, а к исходу 30 июня вся Бессарабия была освобождена от румынских оккупантов¹². Госу-

* Считается, что советскому правительству «развязал руки» советско-германской договор о ненападении от 23 августа 1939 г. (так называемый пакт Молотова-Риббентропа): в п. 3 секретного протокола к нему подчеркивался интерес с советской стороны к Бессарабии, а с немецкой заявлялось о полной политической незаинтересованности в этих областях.

дарственная граница СССР по рекам Прут и Дунай была восстановлена. Население края встретило известие о мирном разрешении советско-румынского конфликта с ликованием.

В сентябре 1940 г. к власти в Румынии пришло военно-фашистское правительство Йона Антонеску. Оно расценило эти события как «ничем не спровоцированную советскую агрессию против слабой жертвы – Великой Румынии». Однако Бессарабией и Северной Буковиной ее территориальные потери в 1940 г. не ограничились: в конце августа Германия навязала Румынии «2-й Венский арбитраж», по которому от нее была отторгнута и передана хортистской Венгрии Северная Трансильвания, а другому немецкому союзнику – Болгарии, по румынско-болгарскому договору от 7 сентября 1940 г., была возвращена Южная Добруджа^{13,12}.

Дальнейшие действия Румынии как союзника Гитлера были связаны, прежде всего, с надеждами вернуть себе эти и приобрести новые территории в уплату за помощь в войне против СССР. Румынский диктатор Й. Антонеску, заручившись согласием фюрера на «неограниченное» расширение границ за счет Украины¹⁴, стал «самым лояльным из союзников Германии и по первому требованию отправлял на фронт все новые войска», причем под план «Барбаросса» румынское командование выделило свои лучшие воинские соединения, выставив в 1941 г. против СССР две регулярных армии¹⁵.

«По данным румынского Генштаба, в июле 1941 года численность личного состава армии под ружьем составляла около 700 тыс. человек, в том числе непосредственно на фронте находилось 342 тыс. солдат и офицеров. Как впоследствии отмечал Й. Антонеску в одной из своих бесед с немецким генералом Ганзенем, Румыния выставила при вступлении в войну

против СССР значительно больше дивизий, чем от нее требовало немецкое командование»¹⁶ (больше всех из союзников гитлеровской Германии!).

В дальнейшем «вклад» Румынии в антисоветскую войну даже возрос: так, на 1 августа 1942 г. на Восточном фронте и оккупированной советской территории находилось 32 крупных румынских соединения (дивизии и бригады), общая численность личного состава которых достигала, по разным данным, от 673 до 710 тыс. чел.¹⁶.

Кроме того, 50 тыс. румынских добровольцев воевали в войсках СС – дивизиях «Принц Евгений» и «Флориан Гейер»¹⁷.

3-я и 4-я румынские армии воевали в Молдавии и на Украине, в Крыму, на Кубани и на Кавказе, в том числе участвовали в боях за Одессу в 1941 г., Севастополь и Сталинград в 1942 г., боролись с партизанами в Крыму в 1943 г., вместе с немцами отступали под ударами Красной Армии обратно к своим границам в 1944 г. и всюду несли огромные потери.

Всего в период Второй мировой войны в боях с советскими войсками Румыния потеряла 350 тыс. чел.¹⁵.

По другим данным, ее людские потери на Восточном фронте составили примерно 630 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести¹⁸.

В своей оккупационной политике румыны стремились не отставать от немцев. В августе 1941 г., в соответствии с договором между Гитлером и Антонеску, на части советской территории была создана румынская зона оккупации – Транснистрия, с резиденцией губернатора в Тирасполе, которая позднее – после оккупации Одессы – была перенесена туда. Сразу после входа румын в Тирасполь в городе начались грабежи и насилие.

Очевидцы вспоминали: «В дом вошел румынский солдат и на глазах всей семьи

кинжалом нанес несколько ран хозяину. После чего изнасиловал его жену и несовершеннолетнюю дочь».

«Со двора тюрьмы грузили на автомобили арестованных и увозили, причем машины примерно через полчаса возвращались пустыми. Я с другими женщинами пошла по следам автомашин. Мы увидели румынских солдат, которые закапывали расстрелянных, а другие собирали в кучу белье, одежду и обувь, снятую с расстрелянных».

«К месту расстрела возили женщин и детей 3-5 лет, подростков 14–16 лет, мужчин молодых и стариков»¹⁹.

Писатель Борис Горбатов, прибывший в город вместе с наступающими войсками 37-й армии 3-го Украинского фронта, 12 апреля 1944 г. опубликовал в газете «Правда» очерк «Тирасполь наш», где отмечал, что «враги разрушили в Тирасполе все, что сумели разрушить»²⁰.

Только в начале апреля 1944 г., за несколько дней до освобождения города Красной Армией, в саду учебного хозяйства сельхозинститута румынами было расстреляно свыше 2 тыс. человек¹⁹.

В целом в период Великой Отечественной войны как в советской пропаганде, так и в восприятии населения СССР все сателлиты Гитлера, включая румын, представлялись «холопами» и «шакалами», – в сравнении с их «хозяином» и «тигром» – самой фашистской Германией.

«Приходит час расплаты. Шакалы получают по заслугам, – 12 декабря 1942 г. писал Илья Эренбург. – Они получают за то, что они пришли к нам. Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за все – и за себя, и за шакалов, и за то, что он к нам пришел, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников»²¹.

На протяжении всей войны союзные Германии войска воспринимались как второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа, в целом отличавшие немецкие части. В до-

кументах постоянно встречаются упоминания о немецких заградотрядах, которые «силой гонят в бой» союзников, потому что их части «слабо дисциплинированы и неустойчивы, а морально-политическое состояние значительно ниже, чем в германской армии»²².

Так, штаб Сталинградского фронта, проанализировав материалы, полученные в ходе сентябрьских контрнаступательных операций 1942 г., сделал следующие выводы: «Румынские части, хотя сравнительно достаточно были укомплектованы, но боеспособностью обладали довольно низкой. Где бы ни наступали наши части, даже меньшими силами, чем у противника, румыны всегда были биты... Немцы вынуждены были снять из-под Сталинграда до 100–130 танков и одну мотодивизию, чтобы поддержать румын южнее Сталинграда. При этом было установлено, что за румынскими частями находились немецкие заградительные отряды, примерно на дивизию – один немецкий батальон»¹⁶.

Сами немецкие генералы не скрывали презрения к союзникам, насмешливо называя их «армиями Лиги наций» и «вспомогательными народами»¹⁴.

В захваченных под Сталинградом трофейных письмах румынских солдат говорится: «отношения с немцами скверные», «немцы относятся к нам с презрением», «называют оскорбительными кличками», «издеваются», «немецкий солдат считает себя вправе сделать замечание офицеру румынской армии» и т.п.²².

Разумеется, союзники немцев в свою очередь не питали к ним особой симпатии. «В то же время, – свидетельствуют документы, – «союзнички» не отстают от немцев в грабежах и издевательствах над населением... В селах юго-западнее Сталинграда население особенно жалуется на произвол румын, буквально не дающих прохода ни одной женщине»²².

«Грабили они дружно, – отмечал Илья Эренбург. – Правда и в грабеже немцы соблюдали иерархию... Если немец ел курятину, румын довольствовался яичком»²¹.

Не случайно в массовом сознании советского общества и армии сложился образ-стереотип «вороватых и трусливых румын», которые, по общему мнению сталкивавшихся с ними советских солдат, «не отличались особой доблестью» и были «хлипкими вояками».

Румынская пропаганда убеждала свои войска, что победа в войне приведет к созданию «Великой Румынии от Тисы до Буга», обещала, что после разгрома Красной Армии солдаты получат на оккупированной территории крупные наделы и дома, а офицеры – целые имения.

Чтобы побыстрее «поднять моральный дух» румын на Восточном фронте, «в частях был оглашен циркуляр румынского Генштаба № 361800 от 10 сентября 1942 г., в котором сообщалось, что на основе конвенции от 30 июня 1942 г., подписанной румынским генералом Штефля и немецким генералом Беккером, румынской армии предоставляется ряд "преимуществ", а именно: любой румынский военнослужащий, находившийся на фронте, при отъезде в отпуск или демобилизации может захватить с собой не только личные вещи, но и другие предметы "домашнего обихода", "сколько можно унести в чемоданах своими руками"»¹⁶, то есть было официально разрешено грабить советское население и увозить его имущество с оккупированной территории.

«Среди всех «крестоносцев» самыми живописными остаются румыны», – писал И.Эренбург и показывал саму Румынию как «неграмотную», «невежественную», «нищую страну, в элегантном смокинге и грязной, вшивой рубашке».

Он перечислял румынские «подвиги» на оккупированной советской территории: «Одесса, наша Одесса, Одесса Пушкина, Одесса броненосца «Потемкин» обращена в губернский город вшивой, невежественной и воровской Румынии!». «Отважные одесситы вели борьбу с захватчиками. Их задушили румыны в катакомбах: пустили ядовитые газы». «Они загадили Одессу. Прекрасный город превратили в румын-

ский кабак. Потом открылись новые просторы для грабежа. Румыны безобразничали в Крыму, в Анапе, на Дону. Они жгли школы, санатории и раскуривали книги, унесенные из библиотек». «Мы знаем, как разорjali румыны казацкие станицы»²¹.

Описывая летом 1942 г. румынский оккупационный режим в Одессе по материалам немецких газет, И.Эренбург возмущается: «Оказывается, румынская шпана чувствует себя в Одессе "как дома": принимает немецких гостей. А одесситов румыны выкуривают из родного города. Кто в Одессе говорил по-румынски, кроме контрабандистов и шпионов? И вот одесситы обязаны говорить по-румынски, по-румынски жениться, по-румынски хоронить своих. Шулера из Бухареста пооткрывали лавочки: продают немцам краденное добро за "квитанции германских кредитных касс". А еще не вымершие одесситы должны работать по двадцать часов в день»²¹.

Однако, ведя себя как заносчивые завоеватели с гражданским населением на оккупированных территориях, в боевой обстановке румыны отнюдь не демонстрировали чудеса храбрости.

Советские военно-аналитические службы давали вполне адекватную оценку и боеспособности румын, и порядкам в их армии, и взаимоотношениям с немецкими войсками.

Так, в докладной записке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника» приводятся следующие факты и обобщения: «В середине августа с.г. 5 полк 4-й румынской пехотной дивизии получил приказ перейти в наступление. Командир полка категорически отказался выполнить приказ, ссылаясь на нехватку людей. Полк был снят с позиций и отведен на некоторое время в тыл».

«Среди румынских солдат особенно процветает дезертирство, ... широко распространены антивоенные настроения...».

«Дисциплина в румынской армии в буквальном смысле слова палочная: за малейшие провинности солдат жестоко избивают все начальники – начиная от малых и кончая большими. Наказание провинившихся солдат 25–30 ударами палки – обычное явление в румынской армии»²².

Далее в документе говорится о том, что «отношение немцев к своим румынским союзникам – издевательское», и приводятся конкретные примеры: «...Один из военнопленных рассказал, что летом с.г. немцы, пришедшие купаться, выгнали из реки даже не успевших смыть мыло румынских солдат. При размещении в населенных пунктах, немцы останавливаются в лучших избах по 2–3 солдата, а румын загоняют до роты в один двор. Все это создает ненависть румынских солдат к немцам. Нередко можно от румын ... услышать: "При первом серьезном ударе Красной Армии мы все бросим и разбежимся. Пусть воюют Гитлер и Антонеску"»²².

Напрасно румынское армейское руководство пыталось наладить отношения с германскими союзниками, стремясь «подружить» своих и немецких солдат, между которыми постоянно вспыхивали конфликты и драки.

Приказ командующего 3-й румынской армией корпусного генерала Дмитреску гласил: «Дабы избежать в дальнейшем некоторых неприятных инцидентов между румынскими и немецкими солдатами, предлагаю в любом населенном пункте, где находятся румынско-немецкие части, укреплять всеми средствами дружественные взаимоотношения. Для этого организовывать совместные обеды, взаимные посещения, встречи на маленьких праздниках и т.д. Крайне необходимо избегать или в крайнем случае сократить количество конфликтов, которые могут привести к тяжелым последствиям и неблагоприятно отразиться на осуществлении наших притязаний в будущем»²¹.

Из приказа видно, что румынского генерала беспокоили не столько сами отношения с немецким союзником, сколько осложнения реализации вели-

кодержавных аннексионистских планов Румынии в послевоенной перспективе.

Однако «недружественные» отношения немецких и румынских военнослужащих на бытовом уровне приобретали еще более острый характер уже на уровне военного руководства, как только положение на фронтах становилось неблагоприятным, и тем более катастрофическим. Как пример можно привести ситуацию в «Сталинградском котле» зимой 1942–1943 гг.

Так, в информации Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Особый отдел НКВД Донского фронта «О морально-политическом состоянии и снабжении окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск» в середине декабря 1942 г. сообщается: «Своим румынским союзникам немцы совершенно перестали доверять... Оружие у них отобрали и используют сейчас на хозяйственных работах, на постройке оборонительных сооружений. Румынские солдаты со времени окружения, 20 ноября, не видели хлеба, пищу получают только один раз в день – вечером похлебку с 150–200 г конины. Немцы издевательски заявляют, что румын нечего кормить, так как они все равно сдаются в плен»²².

Описывая немецкое отступление от Среднего Дона к Северскому Донцу, И.Эренбург отмечает: «Хотя среди окруженных было чрезвычайно мало румын, чванливые немцы хотели взвалить вину на своих "союзников". Лейтенант Курт Гофман писал в дневнике: "Румыны бегут без оглядки. Их офицеры своевременно смылись под предлогом совещания. Они попрошайничают. И с таким сбродом мы должны победить!" Румыны из 1-й кавалерийской дивизии бродили, как беспризорные. Немцы сожрали румынских коней, а румынских конников загнали в немецкие пехотные полки...»²¹.

И даже в плену это враждебное отношение между «союзниками» сохранялось: так, переправляемые на другой берег Волги на одних плавсредствах с немцами, на середине реки румыны завязывали с ними

драки и с криком «Ганс, ты хотел Вольга? На тебе Вольга!» сбрасывали за борт²³, а в лагерях для военнопленных обращались к администрации с просьбой не селить их вместе с немцами²¹.

В августе 1944 г. советские войска начали масштабное наступление в Яско-Кишиневской операции, нанося главный удар именно по румынским частям. Окружение и разгром крупной группировки немецких и румынских войск привели к падению режима Антонеску: 23 августа 1944 г. в Румынии началось вооруженное восстание, маршал Антонеску был арестован по приказу короля Михая I, и уже на следующий день, 24 августа, пришедшее к власти новое правительство объявило войну Германии, а 12 сентября подписало перемирие с СССР, США и Великобританией.

Так, в последний период войны, в 1944–1945 гг. румыны, недавние противники СССР и сателлиты Германии, стали союзниками антигитлеровской коалиции. Заново сформированные 1-я и 4-я румынские армии даже успели повоювать против бывших соратников – немцев и венгров, потеряв в боях с ними убитыми, ранеными и пропавшими без вести 170 тыс. чел.^{15,18}.

При этом в массовом сознании советских людей преобладало недоволь-

ство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией²⁴.

О восприятии этой новой «союзной» Румынии, первой европейской страны, в которую в августе 1944 г. вступила Красная Армия, вспоминает в своих «Записках о войне» поэт-фронтовик Борис Слуцкий: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, «где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют», перины вместо одеял – из отвращения вызываемого бытом, делались немедленные обобщения...

В Констанце мы впервые встретились с борделями... У всех было отчетливое сознание: «У нас это невозможно»... Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков...». И делает вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»²⁵.

Есть в его воспоминаниях короткий и, казалось бы, незначительный, но в действительности очень важный эпизод, в котором выражено откровенное солдатское презрение к внезапным скороспелым «союзникам»: «Из подворотен угодливо повизгивали румынские собаки. Они капитулировали вместе со своими хозяевами и смертельно боялись красноармейцев. Достаточно было хлопнуть по кобуре, чтобы огромная псина умчалась куда глаза глядят»²⁵.

После окончания Второй мировой войны отношение к бывшим противникам во многом зависело от того, в каком политическом лагере, по какую сторону «железного занавеса» оказались эти государства. Однако «военное наследие» – стереотип «образ врага», сформировавшийся в военное время, еще долго оказывал влияние на восприятие стран и их народов уже в мирных условиях.

Сегодня, более 60 лет спустя после окончания войны, на образ бывшего противника не могут не оказывать влияние его попытки откровенной ревизии прошлого, которые в последнее время активно предпринимаются в Румынии.

Так, еще в 2001 г. в Бухаресте был открыт памятник Й. Антонеску – «великому патриоту и националисту», «варварски расстрелянному по настоянию Москвы»²⁶.

При этом о его роли в совершении многих военных преступлений, в том числе в депортации и уничтожении по меньшей мере четверти миллиона евреев на окку-

пированных территориях Молдавии, Украины и России, современная румынская печать, восхваляющая «кондукаторула», стыдливо умалчивает.

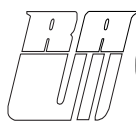
Наконец, совсем недавно, в марте 2007 г. апелляционный суд Бухареста снял обвинения с диктатора Й.Антонеску и его сообщников, казненных Народным трибуналом в июне 1946 г., причем, именно в той его части, которая касалась агрессии против СССР в 1941 г., фактически признав законным вступление Румынии во Вторую мировую войну на стороне Германии²⁶. В комментарии МИД России от 1.03.2007 г. по поводу этого решения сказано: «Оправдание нацистского приспешника, о преступлениях которого против мирного населения на оккупированных тогда территориях СССР помнят и поныне, противоречит смыслу и логике послевоенных урегулирований, итоговым документам Нюрнбергского процесса. Оскорбительное для памяти жертв Второй мировой войны решение суда трудно рассматривать иначе, чем попытку пересмотреть ее итоги, забыть о поучительных уроках истории»²⁷.

К сожалению, даже самые наглядные уроки истории плохо усваиваются политиками некоторых государств.

Примечания

- ¹ *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–145; *она же.* «Образ врага» в сознании участников двух мировых войн // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 235–274; *она же.* Образ Германии и немцев в годы Второй мировой войны глазами советских солдат и офицеров // Военно-исторический архив. М., 2000. Вып. 13. С. 11–48.
- ² *Шаццло В.К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 238, 239–240.
- ³ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 122, 123, 128.
- ⁴ *Виноградов В.Н.* Борьба за союзников // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 247.
- ⁵ *Керсновский А.А.* История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 99, 110, 108.
- ⁶ *Самойло А.А.* В ставке Верховного главнокомандующего // Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 428.
- ⁷ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 195.
- ⁸ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 596.
- ⁹ *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М., 1969. С. 226.
- ¹⁰ *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны. М.-Л., 1926. Репринт: Военная история гражданской войны в России 1918–1920 гг. М., 2004.
- ¹¹ <http://comunist.pcrn.md/2003archives/>
- ¹² *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 424–425, 427–428.
- ¹³ Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 293.
- ¹⁴ *Кульков Е.Н.* Кризис и распад блока агрессоров // Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 280, 284.
- ¹⁵ *Эббот П., Томас Н.* Союзники Германии на Восточном фронте. 1941–1945. Пер. с англ. М., 2001. С. 29, 49, 53.
- ¹⁶ *Левит Н.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 195, 231, 238, 236, 68, 70, 118.

- ¹⁷ Бишоп К. Иностранцы дивизии III Рейха. Иностранцы добровольцы в войсках СС 1940-1945. Пер. с англ. М., 2006. С. 90, 126.
- ¹⁸ История румын с древнейших времен до наших дней. Пер. с румынск. Кишинэу, 2001. С. 282.
- ¹⁹ Цит. по: *Елков Игорь*. До Победы оставалось 392 дня (12 апреля 1944 года Красная Армия освободила Тирасполь) // Российская газета. 2009. 9 апреля. С. 10.
- ²⁰ Горбатов Б. Тирасполь наш // Правда. 1944. 12 апреля.
- ²¹ Эренбург И. Война. Апрель 1942 – март 1943. М., 2003. С. 70, 67, 68, 118, 69, 232.
- ²² Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 79, 112, 114, 50–51, 113, 114, 293.
- ²³ Набойщиков Г. Последний кавалер ордена «Победа» // Невское время. 2004. 21 августа.
- ²⁴ Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 351.
- ²⁵ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 46–48, 57.
- ²⁶ Лобода Г. Кое-что об истории // Информационное издание «Эхо». 2007. 9 июля. – http://ehoua.com/2007/07/09/koechto_ob_istorii.html
- ²⁷ Ответ официального представителя МИД России М.Л.Камынина от 1 марта 2007 г. на вопрос РИА «Новости» в связи с решением Бухарестского апелляционного суда о частичной реабилитации И.Антонеску // http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/655E97F86A6BE8ADC32572910035D2F0?OpenDocument

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2010 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.